

ФЕНОМЕН «БУТЫЛОЧНОГО ГОРЛЫШКА» В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЕВРОСОЮЗА С РОССИЕЙ

САБИНА ДАВРАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

При каких условиях можно говорить об исчерпании потенциала использования санкций в условиях взаимозависимости между ЕС и Россией? Предметом исследования являются изъятия из торговых санкций, прописанных в Регламенте Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 года. В работе предложена их типологизация: гуманитарные и дипломатические исключения, специальные оговорки для закрытия отдельных сделок, послабления для физических лиц и изъятия, вводимые из соображений экономической безопасности. В отношении последних проанализирована торговая статистика за 2021–2023 годы, рассчитаны темпы прироста экспорта из Российской Федерации в Европейский союз, использован индекс Херфиндаля-Хиршмана для анализа географической концентрации экспорта в пределах всего интеграционного блока. Результаты проведенного исследования позволяют идентифицировать возможные пределы использования санкций в отношении России. В этом случае уместно говорить о том, что разработка санкционных ограничений стопорится и происходит эффект «бутылочного горлышка». Изучение динамики данного эффекта позволяет проследить, когда происходит снижение эффективности санкционных мер ЕС в силу объективных причин. Термин «бутылочное горлышко» употребляется не потому, что санкционные меры неэффективны: взаимодействие Москвы и Брюсселя в отдельных областях подчиняется особой рыночной, а не политической логике. В работе выявлено три случая проявления данного эффекта: а) когда приоритеты ЕС по другим направлениям более значимы, чем стремление ослабить Россию; б) когда санкции не могут быть введены в силу гуманитарных соображений – в этом случае повышается риск военизации через меры тарифного регулирования; в) когда речь идет о сохранении крупными странами ЕС отдельных элементов торгово-экономического взаимодействия с Россией, прочно сложившихся за годы формирования экономической взаимозависимости и слабо подверженных демонтажу в силу особенностей рыночной конъюнктуры.

Ключевые слова:

отношения России и ЕС; санкционная политика; торговые санкции; военизация взаимозависимости; эффект «бутылочного горлышка»

Введение

В июле 2022 г. на открытии летних курсов в Университете Комплутенсе в Мадриде заместитель генерального секретаря

по политическим вопросам Европейской службы внешних дел (ЕСВД) Энрике Мора произнёс речь перед студентами, посвящённую политике санкций ЕС в отношении

Статья подготовлена в рамках стратегического проекта «Сценарное прогнозирование развития механизма вторичных санкций против России» НИУ ВШЭ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2025

Дата принятия к публикации: 04.02.2025

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: sbdavranova@hse.ru

России. В своём выступлении он раскрыл её телеологические особенности: «Цель санкций в этом смысле – ослабить Россию. Не как в отношении Венесуэлы. Там цель заключалась в смене политического курса страны. Здесь цель иная – ослабить Россию. <...> Когда Путин говорит: “Они объявляют нам войну”, он прав. Мы её объявляем»¹.

ЕСВД обладает правом законодательной инициативы в области внешней политики Союза [Juncos 2021: 312], разрабатывает и предлагает с привлечением Еврокомиссии ограничительные меры. Именно в подчинении Э. Мора, окрещённого в СМИ «ветераном испанской дипломатии» и «правой рукой Борреля»², находился отдел, задачей которого была среди прочего разработка санкционных законопроектов³.

Актуальная по сей день политическая практика в области санкций и подобные заявления со стороны лиц, принимающих политические решения, свидетельствуют о появлении новых черт санкционного курса ЕС. Речь идёт уже не о тактике «кнута и пряника», через которую одни государства пытаются изменить поведение других, а о полноценном инструментарии. Посредством последнего осуществляется институционализация противостояния между крупными державами, переструктурирование глобальных рынков и цепочек стоимости [Демаре 2024], обретение «стратегической глубины»⁴ [Энтин, Энтина 2023] или «стратегического суверенитета» [Романова 2024], независимо от дальнейшего поведения объекта санкций [Арапова 2023: 48]. Современная практика примене-

ния односторонних ограничений имеет всё меньше общих черт со своей прародительницей – многосторонними санкциями, которые стали применяться более века назад государствами-членами Лиги Наций с целью гуманизации международных отношений.

В данной работе рассматриваются торговые отношения между Россией и ЕС, для которых общепризнанным на протяжении последних нескольких десятилетий был высокий уровень экономической взаимозависимости. Исследование призвано дополнить пласт академической литературы, где санкции используются как инструмент противоборства в условиях взаимозависимости (*weaponization*; см. ч. 2). В нашей статье мы пытаемся определить возможные пределы этого инструментализированного противостояния в отношениях Москвы и Брюсселя. Несмотря на кажущуюся тотальность этого феномена, у него есть эмпирически определяемые пределы в тех сегментах экономического взаимодействия, которые и были выведены из-под политики санкций. Для установления этих пределов автором выработана такая структура исследования, которая включает в себя как качественные (анализ правовых документов ЕС, выработка типологизации исключений и изъятий из санкций ЕС), так и количественные методы (расчеты индекса Херфиндаля-Хиршмана применительно к статистическим торговым данным, см. ч. 3). Нарботки, полученные в результате эмпирического анализа (см. ч. 4), предлагается концептуализировать понятием эффекта

¹ Цит. по: *Escalonilla Á. Enrique Mora, Deputy Secretary General of the EU's External Action Service: "Putin is going to declare the annexation of the Donbas as soon as he gets the territory" // Atalayar. 21.07.2022. URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/enrique-mora-deputy-secretary-general-eus-external-action-service-putin-going-declare/20220720174040157472.html> (accessed: 19.12.2024).*

² Э. Мора также занимал должность начальника его штаба в ЕСВД.

³ The coordination role of the European External Action Service. Mostly working effectively, but some weaknesses in information management, staffing and reporting. Special Report // European Court of Auditors. 02/2024. P. 47. URL: https://www.eca.europa.eu/ECAPublications/SR-2024-02/SR-2024-02_EN.pdf (accessed: 19.12.2024).

⁴ Авт. прим.: «стратегическая глубина», как и «стратегический суверенитет» – это стратегия достижения нового витка технологической революции, переподчинения в свою пользу высокомаржинальных звеньев глобальных цепочек добавленной стоимости для повышения своей конкурентоспособности в мировой экономике.

«бутылочного горлышка». С его помощью можно идентифицировать проблематичные с точки зрения европейских политиков сегменты российской экономики, в отношении которых санкционная политика не может быть реализована в полной мере. Конечная цель исследования заключается в более подробном раскрытии целеполагания антироссийской санкционной политики ЕС за счет объяснения того, почему в отношении отдельных сегментов экономического взаимодействия России и ЕС актуален эффект «бутылочного горлышка».

Санкции как инструмент противоборства

В 2019 г. на страницах журнала «Международная безопасность» (*International Security*) была опубликована теоретическая работа американских международных Генри Фаррелла и Абрахама Ньюманна [Farrell, Newman 2019], посвящённая «вооружённой взаимозависимости». Для исследований экономических санкций, как и для международной политической экономии в целом, эта работа стала новым словом в науке. Учёные продемонстрировали, как глобализация трансформирует либеральный миропорядок, формируя асимметричные сетевые структуры, через которые проходят потоки информации, капиталов, товаров, а также производственные цепочки. Государства, обладающие политической властью над центральными узлами этих сетей — «концентраторы» (*hubs*), — могут использовать своё положение в сети для превращения взаимозависимости в средство давления на предполагаемого оппонента. Эта идея является предметом научно-исследовательской дискуссии в международно-политическом дискурсе, как минимум, с 1970-х годов [Keohane, Nye 1977; Slaughter 1997].

Идея о влиянии беспрецедентного для мировой экономики уровня взаимозависимости на усиление межгосударственного противостояния звучала и в более ранних работах [Brooks 2017; Wright 2017]. Вместе с тем именно Г. Фарреллу и А. Ньюманну удалось поставить под сомнение господствующие в западной академической тради-

ции либеральные представления о взаимозависимости как о феномене, при котором государственная власть либо децентрализуется и распределяется между разнообразными государственными и негосударственными субъектами, либо преобразуется в сетевой глобальный порядок, в котором США осуществляют «власть с помощью» конструктивного сотрудничества с союзниками для достижения целей экономического и социального развития [Farrell, Newman 2019: 44–45]. Здесь важно подчеркнуть смысловой оттенок термина *weaponization*, под которым традиционно имеется в виду милитаризация аспектов человеческой деятельности, ранее считавшихся мирными [Schlee, Oppet 2020].

Начиная с работы Г. Фаррелла и А. Ньюманна исследователи санкций всё чаще стали рассматривать их как инструмент милитаризации мирохозяйственных отношений, особенно когда предметом анализа являются антироссийские санкции, принятые после начала Специальной военной операции (СВО) [Mulder 2022; Farrell, Newmann 2023; Quaglia, Verdun 2023; Арапова 2023; Christou, Damro 2024; Couvreur 2024; Drezner 2024; Макаров 2023; Тимофеев 2024а; Тимофеев, Чуприянова 2024; Энтин и др. 2024]. В перечисленных работах данному явлению приписывают две взаимосвязанные особенности, которые, на наш взгляд, пока не проработаны в литературе в полном объёме.

Во-первых, через эту концепцию исследователи так или иначе пытаются раскрыть один из главных парадоксов мировой политики — устойчивую приверженность государств эскалации геэкономического противостояния, несмотря на возможные издержки для себя и деструктивный потенциал для мировой экономики. Например, М.Л. Энтин и Е.Г. Энтина [2023] отмечают, что страны «группы семи» (*G7*) осознают риски и издержки, исходящие из своей ожесточающейся санкционной политики, но остаются приверженными ей с целью переподчинения в свою пользу высокомаржинальных звеньев глобальных цепочек создания добавленной стоимости. Напри-

мер, результаты проведённых Люцией Квальей и Эми Верден [2023] глубинных интервью с чиновниками из европейских центральных банков фиксируют, что последние полностью осознают возможные для себя риски заморозки активов Банка России: утрата политической независимости Европейского центрального банка (ЕЦБ), угрозы инфляции, возможность формирования альтернативной, менее западочентричной, системы регулирования международных финансов. В то же время они не ставят под сомнение необходимость имплементации санкционных решений, принятых Советом ЕС, не имея возможностей на них повлиять, хотя в личном порядке воспринимают санкции как новое условие, к которому нужно адаптироваться и подчиняться.

В отличие от ЕЦБ, Генеральный директор Европейской комиссии по торговле (далее ГД) с меньшей охотой соглашается на навязываемую сверху политизацию своих решений, считая, что она подрывает неолиберальную логику внешнеэкономической политики ЕС, в первую очередь ее постулируемую открытость и прозрачность [Christou, Damro 2024]. В ответ на позицию ГД Коллегия комиссаров Европейской комиссии (далее ЕК) под руководством Урсулы фон дер Ляйен (с 2019 г. по настоящее время) применяет стратегию «бюрократического расслоения» в отношении ГД по торговле через такие действия, как введение должности нового заместителя генерального директора, ответственного за координацию всех экономически значимых подразделений; повышение значимости в иерархии всех должностных лиц, чьи полномочия связаны с усиливающейся политизацией экономического управления; перепрофилирование сотрудников на выработку юридически спорных в рамках права ВТО инструментов торговой защиты [Couvreur 2024]. Сформулированные в дан-

ных исследованиях вопросы представляют самостоятельную ценность с точки зрения полученных результатов, хотя их недостаточно для формирования исчерпывающей картины в отношении обозначенного парадокса.

Во-вторых, инструментализация санкционных мер в большинстве перечисленных работ представляется как всеобъемлющая [Энтин и др. 2024]. Согласно И.Н. Тимофееву, «опыт масштабных санкций против России подтверждает возможность *тотальной* “вепонизации” взаимозависимости» [2024а: 292]. Т.А. Романова [2024] отмечает, что связанная с этим неопределенность в отношениях России и ЕС по-прежнему сохраняет свое значение, даже когда сами отношения обрушены до исторического минимума. Подобная перспектива доказывает, что санкционный потенциал далеко не исчерпан. В частности, актуальны риски расширения торговых ограничений, ужесточения мер санкционного принуждения, конфискации замороженных российских активов [Тимофеев 2024б]⁵. Между тем остаётся не до конца ясным понимание возможных пределов асимметричного санкционного давления.

Для исполнения этой лакуны исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: при каких условиях можно говорить об исчерпании санкционного потенциала в контексте экономической взаимозависимости России и ЕС? В следующей части работы описаны разные способы поиска ответа на поставленный вопрос и представлено обоснование выбранной исследовательской стратегии поиска на него ответа.

Методология и дизайн исследования

Возможно следовать двум стратегиям эмпирического исследования для идентификации пределов вооружённой взаимозависимости Москвы и Брюсселя.

⁵ Дополнительно см. Давранова С. Лабиринт ограничений // Известия. 18.12.2024. URL: <https://iz.ru/1809479/sabina-davranova/labirint-ogranichenii> (режим доступа: 19.12.2024); Шейн С. Дефицит доверия // Известия. 25.12.2024. URL: <https://iz.ru/1813627/sergei-sein/deficit-doveria> (дата обращения: 26.12.2024).

В первом случае предметом исследования могли бы стать те сегменты российской экономики, которые находятся под санкциями. С разной степенью эффективности отношения адаптируются к новым реалиям: диверсифицируются логистика, производственные цепочки и партнёрства, происходит переориентация на внутренний рынок или новые зарубежные рынки. Анализ степени (без)болезненности этих процессов для российской экономики мог бы выявить обратно-пропорциональную причинно-следственную связь между экономическим давлением Союза на Россию в условиях взаимозависимости и экономическим размежеванием (*decoupling*) между Россией и ЕС. Таким образом, снижение степени интеграции между Россией и Европейским союзом приводит к уменьшению их экономической и политической взаимозависимости, что, в свою очередь, сокращает возможности использования данной взаимозависимости в качестве инструмента влияния.

Вторая эмпирическая стратегия, и она же – поисковая стратегия настоящего исследования, заключается в анализе устойчивых сегментов экономического взаимодействия между Российской Федерацией и Европейским союзом, сохраняющихся в условиях санкционного режима. В качестве предмета исследования выделены исключения из торговых ограничений, закрепленные в Регламенте Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 года⁶ (далее Регламент). Среди всех правовых режимов санкций Брюсселя против Москвы этот документ наиболее важен для изучения торговых и секторальных ограничений [Тимофеев 2024б: 236]. Следовательно, ключевая цель работы – выявить возможные причины, объясняющие отсутствие инструментализации отдельных элементов экономического взаимодействия России и ЕС, что, в нашем понимании, является показателем актуальности эффекта «буты-

лочного горлышка». Практическое значение этого – определить возможные факторы риска для таких элементов. Исследовательские задачи, таким образом, включают в себя:

1. разработку типологизации исключений и изъятий, предусмотренных в Регламенте. Главным критерием при её составлении является возможная мотивация исключения или изъятия, например, по гуманитарным и экономическим соображениям, а также в силу энергетической безопасности. Поскольку нормативно-правовая база торговых санкций ЕС всё ещё находится в процессе формирования [Тимофеев 2024б: 234], такая типологизация могла бы дополнить имеющиеся в литературе наработки по этой теме. Гуманитарные исключения из торговых санкций, в частности медицинские, продовольственные и правозащитные, уже освещались в академической литературе [von Sponeck 2017; Mallard et al. 2020; Тимофеев 2021; Faulk 2024], но для в рамках данного исследования гораздо важнее изъятия, вводимые из экономических соображений.

2. сбор и обработку данных по товарам, изъятых из-под санкционных ограничений по экономическим соображениям. В качестве источника были использованы базы данных Евростата. Наблюдения в этих базах – это потоки товаров как по каждому отдельному государству-члену ЕС, так и по всему блоку в совокупности; переменные – таможенный код из товарной номенклатуры (далее ТН ВЭД) и стоимость экспорта из России в ЕС в 2021, 2022 и 2023 годы. Из выборки были исключены товары, экспорт которых не представляет статистической значимости. Обработка собранных данных предполагает расчёт:

а. темпов прироста экспорта в 2022 и 2023 годы – это позволит отследить динамику изменений после начала СВО, а также зафиксировать возможные всплески или спады поставок;

⁶ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. 17.12.2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (accessed: 09.01.2025).

б. уровня географической концентрации экспорта каждого из выделенных товаров в пределах Евросоюза. Для математико-статистической оценки этого показателя, как правило, используется индекс Херфиндаля-Хиршмана (далее *HHI*) [Растворцева 2018], рассчитываемый по формуле:

$$I_{hh} = \sum_i^n = S_i^2,$$

где S_i – доля отдельной страны в общем объёме экспорта рассматриваемого товара из России в Европейский Союз. О низкой географической концентрации можно говорить в случае, если *HHI* ниже 1000, об умеренной – в диапазоне от 1000 до 1800, о высокой – выше 1800. По верхней границе *HHI* ограничен значением в 10000 при исчислении долей в процентах. Для товаров с высокими значениями *HHI* мы выделяем до трёх крупнейших направлений экспорта, на основании чего можем сделать выводы об основных благополучателях санкционных изъятий среди государств-членов ЕС.

Как было указано выше, в порядке интерпретации полученных результатов предлагается определить и обобщить возможные причины, объясняющие, почему тот или иной товар был исключен из-под санкций, а также выделить потенциальные факторы риска для таких изъятий.

Результаты эмпирического анализа

С точки зрения наличия исключений (*derogations*) торговые санкции можно разделить на безусловные, такие как запрет на поставки вооружений в Россию, и предусматривающие при определенных условиях послабления. Практически каждая санкци-

онная мера сопровождается целым перечнем исключений к ней, которые можно разделить на несколько типов в зависимости от целеполагания:

1. исключения гуманитарного характера. Для медицинских, фармацевтических, правозащитных целей, смягчения последствий чрезвычайных ситуаций, избежания столкновений между космическими спутниками, поддержания безопасности на море и на ядерных объектах и других гуманитарных причин компетентные органы могут разрешить поставки подсанкционных товаров, даже если контрагент будет считаться связанным с военно-промышленным комплексом⁷;

2. исключения дипломатического характера предполагаются для дипломатических миссий, выполнения государством его обязательств в рамках различных международно-правовых конвенций, договоров, перед международными, межправительственными организациями, а также межправительственного сотрудничества по гражданским вопросам, совместным космическим программам и программам по развитию мирного атома;

3. специальные оговорки, которые вводятся для закрытия сделок, заключённых до принятия санкционного решения ввиду того, что санкции не имеют обратной силы⁸;

4. послабления, прописанные для физических лиц, не связанных с военно-промышленным комплексом, в том числе для граждан государств-членов ЕС. К таким послаблениям можно, например, отнести разрешения на поставки подсанкционных товаров для личного пользования, хотя в юридической практике отмечается неко-

⁷ Авт. прим.: список пользователей военного характера представлен в Приложении IV к Регламенту. В нём более 670 организаций и несколько физических лиц по состоянию на январь 2025 года. Заявляется, что они входят в состав военно-промышленного комплекса России или имеют иные связи с российским оборонным сектором. Отметим, что при этом не все из них находятся под индивидуальными санкциями ЕС (заморозка активов и визовые ограничения), введёнными Решением Совета 2014/145/ОВППБ от 17 марта 2014 года. В блокирующем списке, приложенном к последнему документу, более 1800 физических и 470 юридических лиц по состоянию на январь 2024 года.

⁸ Answer given by High Representative/Vice-President Borrell Fontelles on behalf of the European Commission. Parliamentary question – E-002961/2022(ASW) // European Parliament. 18.10.2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2022-002961-ASW_EN.html (accessed: 09.01.2025).

торая неоднозначность в вопросах толкования понятия «личное пользование» [Тимофеев 2024б: 238].

5. изъятия, которые вводятся из соображений собственной экономической безопасности. Как правило, они касаются тех товаров и полезных ископаемых, для которых сложно найти альтернативных поставщиков. Именно эти сегменты экономического взаимодействия в наименьшей степени подвержены демонтажу и могут быть рассмотрены сквозь предлагаемую концепцию «бутылочного горлышка» санкционной политики ЕС. В отдельную подкатегорию таких изъятий можно выделить поставки нефти и газа из России, от которых ЕС не удаётся полностью отказаться в силу необходимости обеспечивать свою энергетическую безопасность. Поставки российского трубопроводного и сжиженного природного газа не были затронуты торговыми санкциями, хотя Союз заявлял о намерениях отказаться от российского газа к 2027 году⁹. В случае с нефтью, помимо введения ценового потолка, что само по себе не

является безусловным запретом, были сделаны исключения для поставок, идущих по нефтепроводу «Дружба» для Болгарии, Венгрии, Словакии и Чехии¹⁰. До конца 2024 г. также действовали исключения на поставки вакуумного газойля для Хорватии.

К анализируемым в данном исследовании изъятиям, которые ЕС вводит в санкционную политику из соображений собственной экономической безопасности, мы относим следующие несколько видов сырьевой и промышленной продукции, упоминания которой можно найти в Регламенте 833/2014: разновидности продукции химической промышленности и чёрной металлургии, перечисленные в Приложении XXIV к Регламенту; товары, перечисленные в Приложении XXX к Регламенту¹¹. Эти изъятия представлены в табл. 1; для каждого из них мы рассчитали индекс Херфиндаля-Хиршмана, ранжировав в табл. 2 только те товары, для которых значения *HNI* получились высокими.

В один ряд с изъятиями такого рода можно ставить непромышленные алмазы,

Таблица 1
Экспорт изъятых из-под санкций российских товаров в ЕС

Код в ТН ВЭД	Наименование	Стоимость, млн евро			Темпы прироста, %	
		2021	2022	2023	2022	2023
2810 00 10	Оксиды бора; борные кислоты	1,04	0,74	0,56	-29,24	-24,66
2810 00 90		1,55	1,93	2,89	+24,51	+49,97
2814 10 00	Безводный аммиак	410,97	535,50	144,97	+30,30	-72,93
2825 20 00	Оксид и гидроксид лития	10,13	29,14	12,51	+187,76	-57,08
2905 42 00	Пентаэритрит	9,42	4,30	0	-54,36	-100,00
2909 19 90	Разновидности простых эфиров	67,23	33,36	0	-50,38	-100,00
3811 19 00	Антидетонаторы (без свинца)	4,43	34,88	0,12	+687,54	-99,66
7203	Продукты из железной руды	611,44	681,38	419,58	+11,44	-38,42

⁹ End of transit via Ukraine – Information from the conclusions of the Commission’s assessment // European Commission. 31.12.2024. URL: https://energy.ec.europa.eu/document/download/e8a46964-f29b-44f8-9410-689f9e34463b_en?filename=241211%20-%20End%20of%20UA%20transit%20-%20draft%20conclusions%20for%20publication%20-%20final_1.pdf (accessed: 09.01.2025).

¹⁰ С июня 2023 г. исключение не действует для Германии и Польши.

¹¹ Алюминий, железная руда, хром, кобальт, медь, минеральные удобрения, в том числе калийные и фосфатные руды, молибден, никель, палладий, родий, титан, ванадий, ряд тяжёлых и лёгких редкоземельных элементов (далее РЗМ).

Окончание табл. 1

Код в ТН ВЭД	Наименование	Стоимость, млн евро			Темпы прироста, %	
		2021	2022	2023	2022	2023
7204	Отходы и лом черных металлов	250,11	77,66	18,74	-68,95	-75,86
7601	Алюминий необработанный	1653,57	2259,05	1248,76	+36,62	-44,72
7602	Отходы и лом алюминиевые	8,83	16,70	4,41	+89,10	-73,57
7603	Порошки и чешуйки алюминиевые	42,96	48,68	28,20	+13,31	-42,07
7610	Металлоконструкции алюминиевые	5,61	9,41	1,81	+67,82	-80,77
7612	Ёмкости алюминиевые	10,83	1,54	7,41	-85,75	+379,66
7615	Изделия для бытовых нужд и их части из алюминия	1,09	0,26	0,26	-75,87	-1,89
7616	Прочие изделия из алюминия	4,47	4,57	2,02	+2,24	-55,80
8112 2...	Хром	53,02	86,56	59,421	+63,26	-31,35
8105	Кобальт	26,86	69,05	8,21	+157,11	-88,12
74	Медь	2455,70	2770,12	537,72	+12,80	-80,59
3105	Смешанные удобрения	1785,23	2565,21	1387,28	+43,69	-45,92
8102	Молибден	6,96	2,78	0	-60,10	-100,00
75	Никель	2127,73	3156,65	1656,30	+48,36	-47,53
7110 20	Палладий	1466,75	1107,59	595,44	-24,48	-46,24
7110 30	Родий	508,16	281,94	68,86	-44,51	-75,57
8108	Титан	152,76	245,67	216,55	+60,82	-11,85
8112 92 91	Ванадий	0,45	2,21	1,02	+395,30	-53,75

Источник: Составлено автором на основе данных EuroStat. Таблица не включает ряд изъятий, исключённых из выборки в связи со статистически незначимыми объёмами экспорта.

Таблица 2

Выделенные из табл. 1 изъятия с высоким индексом Херфиндала-Хиршмана и их крупнейшие направления экспорта

Код в ТН ВЭД	Наименование	Значение ННИ	Крупнейшие направления экспорта
3811 19	Антидетонаторы без свинца	10000	Бельгия (100%)
2810	Оксиды бора; борные кислоты	9984	Бельгия (99,9%)
8105	Кобальт	9530	Нидерланды (97,6%)
8102	Молибден	8606	Эстония (92,5%), Германия (7,4%)
8112	Бериллий, хром, гафний, рений, таллий, кадмий и т. д.	7472	Нидерланды (86,1%), Эстония (5,7%), Германия (4,9%)
7602	Отходы и лом алюминиевые	6144	Швеция (76,7%), Греция (15,6%), Эстония (4,1%)
75	Никель	4643	Финляндия (56,8%), Нидерланды (37,3%), Германия (5,5%)
7603	Порошки и чешуйки алюминиевые	4043	Германия (60,4%), Франция (17,7%), Латвия (9,2%)
2909 19	Разновидности эфиров	3875	Бельгия (46%), Нидерланды (41,4%), Литва (5,2%)
8108	Титан	3760	Германия (52,4%), Франция (30,9%), Бельгия (6,28%)

Окончание табл. 2

Код в ТН ВЭД	Наименование	Значение ННІ	Крупнейшие направления экспорта
7203	Продукты из железной руды	3680	Италия (56,9%), Испания (14,6%), Бельгия (12,3%)
74	Медь	3032	Нидерланды (45,8%), Германия (27,2%), Италия (12%)
2825 20	Оксид и гидроксид лития	2950	Польша (40,9%), Нидерланды (27,7%), Эстония (21,6%)
2905 42	Пентаэритрит	2238	Германия (33,3%), Польша (22,3%), Бельгия (22,1%)
2814 10	Безводный аммиак	2272	Бельгия (36,8%), Финляндия (22,5%), Литва (14,4%)
7612	Ёмкости алюминиевые	2160	Венгрия (26,3%), Эстония (17,3%), Франция (14%)
7610	Металлоконструкции алюминиевые	1950	Чехия (32,9%), Германия (25,2%), Румыния (10%)
7615	Изделия для бытовых нужд и их части из алюминия	1879	Литва (24,8%), Германия (24%), Латвия (22,4%)

Источник: значения индекса рассчитаны автором на агрегированных данных для периода с 2021 по 2023 г. на основе статистики *Eurostat*.

Таблица 3
Запреты на импорт в отношении непромышленных алмазов и алмазной продукции в санкционном режиме ЕС против России

Типология происхождения алмазов	Часть А	Часть В	Часть С
Алмазы российского или любого происхождения, экспортируемые с территории Российской Федерации	С 1 января 2024 г.		
Алмазы любого происхождения, следующие транзитом через территорию России	С 1 января 2024 г.		
Переработанные в третьей стране алмазы российского происхождения или любого происхождения, но экспортированные в эту страну с территории России	1) Весом 1,0 карат и выше – с 1 марта 2024 г. 2) Весом от 0,5 карат и выше – с 1 сентября 2024 г.	Весом от 0,5 карат и выше – с 1 сентября 2024 г.	Нет запрета

Источник: Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 года.

импорт которых имел высокое значение для экономики Бельгии. Приложение XXXVIIIА к Регламенту делит алмазную продукцию на три категории: часть А включает несортированные, необработанные и прочие непромышленные алмазы; часть В – искусственные и реконструированные алмазы; часть С перечисляет разновидности ювелирных и прочих изделий, сделанных из алмазов или металлов, плакированных ими. По состоянию на январь 2025 г. список запретов в отношении этих трёх

категорий не идентичен (табл. 3). В отношении введения вторичных торговых санкций для товаров из части С в пункте 4 статьи 3р Регламента прописывается, что он налагается по решению Совета. Таким образом, заинтересованным сторонам в очередной раз удалось отсрочить введение полного запрета, оставив для себя лазейку.

К изъятиям пример с алмазами целесообразно относить ещё и по той причине, что эта продукция достаточно поздно попала под санкции, несмотря на высокую

интенсивность процесса принятия санкционных решений в ЕС с 2022 года. На протяжении двух лет для Брюсселя были актуальны некоторые обстоятельства непреодолимой силы, которые сдерживали введение санкционных мер воздействия на этом направлении. Возможные объяснения этому обстоятельству представлены в следующей части работы.

Интерпретация полученных результатов: эффект «бутылочного горлышка» в санкционных ограничениях ЕС против России

В части интерпретации результатов автором используется терминология эффекта «бутылочного горлышка» (*bottle-neck effect*), заимствованного из междисциплинарного методологического аппарата. В экономико-управленческом дискурсе данный феномен описывает узкие места в производственных цепочках или проектных процессах, приводящие к снижению операционной эффективности. В генетике аналогичный термин обозначает редукцию генетического разнообразия популяции вследствие критического сокращения её численности.

Схожий процесс можно наблюдать в разработке антироссийской санкционной политики ЕС. На примере выделенных выше в работе изъятий из торговых ограничений нам удалось доказать, что по итогам трёх лет усиленного санкционного давления на Россию, превращение взаимозависимости в инструмент противоборства между Москвой и Брюсселем имеет свои ограничения, установленные европейской стороной. Исходя из результатов, полученных в части 4, можно определить мотивационную составляющую архитекторов санкционной политики Союза при её формировании.

Во-первых, необходимо обратить внимание на товары, исключенные из выбор-

ки в ходе проведенного анализа. Их наличие в списке изъятий товаров, по которым отсутствуют статистически значимые объёмы экспортных поставок из России в Европу, на первый взгляд, противоречит логике обеспечения экономической безопасности. Ранее уже отмечалось, что при отсутствии экономической взаимозависимости между странами невозможно использование последней в качестве инструмента политического или экономического противоборства. Более того, по ряду таких товаров, главным образом по редкоземельным металлам (РЗМ), организация прямых экспортных поставок из России, за исключением транзитных операций, в среднесрочной перспективе затруднена из-за отсутствия производственных мощностей в стране. После распада СССР Российская Федерация утратила значительную часть производственных мощностей по добыче РЗМ, которые до настоящего времени не были полностью восстановлены. Если в начале 1990-х годов Советский Союз занимал 3-е место в мире по добыче РЗМ [Афонин, 2023], то к 2024 г. Российская Федерация, располагая одной из крупнейших в мире минерально-сырьевых баз, остаётся почти на 90% зависимой от импорта данной группы металлов¹². Несмотря на начавшуюся с 2022 г. активизацию российской промышленной политики в этой сфере, ряд экономистов продолжает выражать сомнения в экономической целесообразности таких инициатив. Среди основных причин называются низкий внутренний спрос, риски нерентабельности в условиях практически монопольного положения Китая на мировом рынке, труднодоступность значительной части российских месторождений, а также высокая волатильность и сложность динамики основных рынков сбыта¹³.

¹² «Это отразится на всём»: в России возродят важнейшую отрасль промышленности // РИА Новости. 06.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221206/rzm-1836479079.html> (дата обращения: 19.12.2024); Бурдис А. Большая гонка: зачем Россия вкладывает миллиарды в нерентабельные редкие металлы // Forbes. 17.07.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/516422-bol-saa-gonkazem-rossia-vkladyvaet-milliardy-v-nerentabel-nye-redkie-metally> (дата обращения: 19.12.2024).

¹³ Там же.

Тем не менее РЗМ признаны стратегически важными ресурсами, оказывающими существенное влияние на характер глобальной конкуренции и обеспечение национальной безопасности государств. На уровне ЕС данная группа металлов законодательно отнесена к числу критически значимых ресурсов, необходимых для реализации запланированного энергетического перехода¹⁴. Гипотетически Евросоюз мог бы ввести санкции на них для демонстрации усиления санкционного давления, причём без какого-либо вреда для себя в силу отсутствия реальных поставок из России. В то же время эти товары практически невосприимчивы к процессам политизации. Это наблюдение согласуется с приведёнными выше наработками из академической литературы о взятую ЕС политическом курсе на достижение стратегического суверенитета.

Во-вторых, ряд рассмотренных изъятий, в особенности минеральные удобрения, могут быть одновременно отнесены к двум выделенным в типологии видам исключений. Они вводятся как из гуманитарных соображений для обеспечения продовольственной безопасности, так и из экономических. В последнем случае речь идёт о нехватке в ЕС собственных производственных мощностей, чем объясняется всплеск российских поставок в условиях кризиса. Такие товары имеют относительно высокий иммунитет от попадания в санкционные списки, но анализ новостных сообщений в СМИ показывает, что в кругах, лоббирующих ужесточение санк-

ций, уже достаточно давно продвигается идея повышения таможенных пошлин на эти товары под предлогом необходимости сокращения доходов российского бюджета посредством снижения конкурентоспособности российских производителей на европейском рынке¹⁵. Именно этой логикой объясняется введение ряда эмбарго, закреплённых в Регламенте 833/2014. Подобные решения о приостановлении тарифных льгот по политическим причинам Европейский союз применял в отношении российской рыбной продукции¹⁶.

В исследованиях по санкциям по традиции, заложенной Робертом Пейпом [Pape 1997], ранее было принято разграничивать понятия «торговая война», осуществляемая посредством тарифных мер, и «экономические санкции» — политически мотивированные экономические решения. Применительно к антироссийским санкционным режимам наблюдается всё меньше обоснований для такого разграничения, тем более что правовой рамкой для легитимации подобных тарифных мер в ЕС считается отмена Европейским советом в отношении России режима наибольшего благоприятствования¹⁷, предусмотренного правом ВТО и гарантирующего недискриминационное, равное со всеми остальными торговыми партнёрами отношение к российской продукции.

Не менее значима роль отдельных стран в процессе принятия санкционных решений. В общей сложности в работе проанализировано 23 шестизначных наименования товарной номенклатуры. Для 19 из них

¹⁴ Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 (Text with EEA relevance) // EUR-Lex. 03.05.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401252 (accessed: 19.12.2024).

¹⁵ Вынос удобрений // Коммерсантъ. 08.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7284509> (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁶ Council Regulation opening and providing for the management of the Union autonomous tariff for certain fishery products for the 2024–2026 period // Council of the European Union. 24.11.2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15363-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 19.12.2024).

¹⁷ EU: Revocation of Most-Favoured-Nation status for Russia following their attack on Ukraine // Global Trade Alert. 11.03.2024. URL: <https://www.globaltradealert.org/state-act/62461/eu-revocation-of-most-favoured-nation-status-for-russia-following-their-attack-on-ukraine> (accessed: 19.12.2024).

расчёты индекса Херфиндаля-Хиршмана показали высокую степень географической концентрации рынков сбыта российского экспорта в Европейский союз. Среди крупнейших направлений заметно преобладают крупные, промышленно развитые страны, считающихся наиболее влиятельными в Евросоюзе. В табл. 4, где для каждого таможенного кода мы выделяли до трёх крупнейших направлений экспорта, Германия упоминается 10 раз, Бельгия – 7, Нидерланды – 6. Единственным исключением из этой тенденции является Эстония – малая страна с упоминанием в 6 раз. В предыдущей части работы малые страны активно упоминались при перечислении исключений, вводимых из соображений энергетической безопасности, что критически важно для экономического благополучия их населения. В случае изъятий, бенефициарами которых, как определено, являются страны-доноры ЕС, речь идёт о поддержании рентабельности высоко маржинальных производств, а не об экономическом выживании государства. Примечательно, что для 15 из 19 товаров, перечисленных в таблице 4, в 2022 и 2023 годах был зафиксирован значительный рост объёмов поставок (табл. 1–3). Так, в 2022 г. наиболее существенное увеличение поставок по сравнению с предыдущим периодом наблюдалось по следующим позициям: бессвинцовые антидетонаторы (в 7.9 раза или на 687.54%), ванадий (почти в 5 раз или на 395.30%), оксид и гидроксид лития (почти в 2.9 раза или на 187.76%) и кобальт (более чем в 2.5 раза или на 157.11%). Данная динамика может свидетельствовать о стремлении европейских предприятий накопить запасы указанных товаров в условиях внешнего экономического шока.

Указанные элементы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского союза относятся к числу наиболее устоявшихся. Для них характерен относи-

тельно высокий уровень взаимозависимости, что позволяет рассматривать их в качестве ярких примеров эффекта «бутылочного горлышка». В таких случаях риск применения торговли в качестве инструмента давления напрямую зависит от способности Евросоюза оперативно и с наименьшими издержками перестроиться на альтернативные источники поставок.

Особого внимания заслуживает проблема поставок алмазов и алмазной продукции. Он показывает, что вероятность изъятий существует независимо от влиятельности государства-члена, заинтересованного в сохранении поставок. Более того, этот риск возрастает по мере увеличения уровня публичной значимости (*public salience*) обсуждаемого вопроса. Подобный вывод ранее был сформулирован в исследовании М. Л. Энтина и его коллег [2024], в котором предложена теоретико-методологическая модель анализа механизмов продвижения санкционной повестки в публичном пространстве. Согласно этой модели, несмотря на то что значительная часть санкционных инициатив, транслируемых в информационном пространстве, носит во многом декларативный и демонстративный характер, Европейский союз посредством таких информационных вбросов осуществляет постепенную институционализацию санкционной политики, оценивая реакцию внутренней и внешней аудитории с целью последующей разработки конкретных правовых решений на уровне соответствующих ведомств и рабочих групп¹⁸.

Выявленный эффект «бутылочного горлышка», с одной стороны, позволяет уточнить предложенную Энтиным и др. [2024] модель санкционного нормативного предпринимательства. Активное продвижение санкционных инициатив по различным информационным каналам далеко не всегда приводит к немедленным практическим

¹⁸ Дополнительно см. интервью Е.Г. Энтиной и А.М. Наджарова в статье Сычев С. Санкции против России: «Мы прогнозируем действия, анализируя мотивы» // HSE Daily. 18.10.2024. URL: <https://daily.hse.ru/post/sankcii-protiv-rossii-my-prognoziruem-deistviya-analiziruya-motivy> (дата обращения: 19.12.2024).

результатам. Так, несмотря на интенсивную медийную кампанию, с момента начала активного санкционного давления в феврале 2022 г. прошло значительное время, прежде чем российская алмазная продукция была включена в санкционные списки ЕС. Для товаров, подпадающих под действие указанного эффекта, первостепенным фактором риска введения санкций выступает скорее состояние рыночной конъюнктуры, нежели уровень их публичной значимости. С другой стороны, информационное давление заставляет европейские бизнес-круги и политиков искать способы либо сократить зависимость от России в этих сегментах экономики, либо принять полумеры, которые создают видимость санкционного давления на Москву.

Таким образом, выявлено три возможных объяснения эффекта «бутылочного горлышка» в зависимости от того, о какой конкретно группе товаров идет речь. Ряд товаров, такие как РЗМ, имеют особое значение в контексте взятого Брюсселем курса на обретение стратегического суверенитета. Если этот курс вступает в противоречие со стремлением ослабить Россию, то приоритет отдается первому. Вторая группа товаров, в отношении которых можно наблюдать рассматриваемый эффект, имеют гуманитарное значение (например, удобрения). Они также имеют высокий иммунитет от попадания под санкции, но вполне могут стать предметом тарифной войны. В отношении остальных товаров эффект «бутылочного горлышка» может объясняться стремлением крупных и влиятельных стран-членов оградить их от санкционных ограничений в силу своих национальных экономических интересов. Но именно данная категория товаров находится в зоне риска попадания под санкции, особенно по мере усиления информационного давления со стороны кругов, лоббирующих ужесточение санкций.

***

Эффект «бутылочного горлышка», наблюдаемый в разработке санкционной политики ЕС, является одним из критери-

ев для обособления того сегмента экономического взаимодействия Москвы и Брюсселя, в отношении которого можно говорить об исчерпании потенциала противоборства. Применение термина «бутылочного горлышка» к тому или иному сегменту экономики производится не потому, что санкционные меры невозможны в этой области. Он подчиняется особой рыночной, а не политической логике, в отличие от многих других сегментов бывшего российского-европейского сотрудничества, которые находятся под санкциями.

Этот эффект проявляется преимущественно трёх случаях. *Во-первых*, Европейский союз рассматривает определённую продукцию как критически значимую, например редкоземельные металлы. В случае с РЗМ вероятность их инструментализации в санкционном противостоянии фактически минимальна ещё и в силу отсутствия поставок из России. Тот факт, что ЕС гипотетически допускает возможность таких поставок, в том числе транзитных, демонстрирует, что в системе политических приоритетов Брюсселя задачи энергетического перехода оцениваются несколько выше, чем необходимость ослабления Москвы.

Во-вторых, рассматриваемый эффект проявляется в ситуациях, когда изъятия товаров обусловлены не только экономическими, но и гуманитарными соображениями, в частности необходимостью обеспечения продовольственной или ядерной безопасности. Подобные товары характеризуются высоким уровнем устойчивости к введению санкций, однако при этом остаются уязвимыми к возможному повышению тарифных барьеров.

Наконец, *в-третьих*, наиболее классический случай проявления эффекта «бутылочного горлышка» касается поставок тех товаров, по которым ЕС не хватает производственных мощностей и в которых достаточно сложно найти альтернативных поставщиков, поскольку на Российскую Федерацию приходится ощутимая доля мирового производства или добычи. Тем не менее для этой группы товаров вероят-

ность их инструментализации остаётся высокой. В условиях информационного давления Брюссель форсирует планы по ослаблению зависимости от России, инве-

стируя по возможности в собственные или партнёрские¹⁹ месторождения и производственные мощности, а также диверсифицируя цепочки поставок.

Список литературы

- Арапова Е.Я.* Новые модальности глобальной санкционной политики // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 1. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>
- Афонин С.Е.* Перспективы создания и функционирования кластера по производству редкоземельных металлов в России // *Вестник Московского финансово-юридического университета*. 2023. № 4. С. 95–106. DOI: [10.52210/2224669X_2023_4_95](https://doi.org/10.52210/2224669X_2023_4_95)
- Демаре А.* Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США. М.: Азбука-Бизнес, Азбука-Аттикус, 2024. 320 с.
- Макаров И.А.* Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // *Современная мировая экономика*. 2023. Т. 1. № 1. С. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-74-94>
- Расторцева С.Н.* Экономическая активность регионов России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 1. С. 84–99. DOI: [10.15838/esc.2018.1.55.6](https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6)
- Романова Т.* Отношения России и Европейского союза в контексте современной трансформации миропорядка: проблемы изучения и преподавания // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2024. Т. 40. № 2. С. 157–174. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.201>
- Тимофеев И.Н.* Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа. // *Современная Европа*. 2021. № 2. С. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727>
- Тимофеев И.Н.* Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // *Политическая наука*. 2024а. № 2. С. 282–299. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Тимофеев И.Н.* Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2024б. Т. 40. № 2. С. 233–247. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.205>
- Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И.* Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.: направления изменений // *Современная мировая экономика*. 2024. Т. 2. № 2(6). С. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59>
- Энтин М.Л., Энтина Е.Г.* Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах. М.: Зебра Е / Галактика, 2023. 760 с.
- Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М.* Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 1. С. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>
- Brooks R.* How Everything Became War and the Military Became Everything: Tales from the Pentagon. New York: Simon & Schuster, 2017. 448 p.
- Christou A., Damro C.* Frames and Issue Linkage: EU Trade Policy in the Geoeconomic Turn // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2024. Vol. 62. No. 4. P. 1080–1096. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13598>
- Couvreux S.* Inside the European Union's Trade Machinery: Institutional Changes in an Age of Geoeconomics // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2024. Vol. 63. No. 1. P. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13625>
- Drezner D.W.* Global Economic Sanctions // *Annual Review of Political Science*. 2024. Vol. 27. P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240>
- Farrell H., Newman A.L.* Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 1. P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Farrell H., Newman A.L.* Underground Empire: How America Weaponized the World Economy. New York: Henry Holt and Co, 2023. 288 p.
- Faulk G.T.* Strengthen US Sanctions by Enabling Regularized Use of Humanitarian Exemptions // *Journal of World Trade*. 2024. Vol. 58. No. 4. P. 655–680. DOI: <https://doi.org/10.54648/trad2024034>

¹⁹ Например, канадские, норвежские, австралийские или японские.

- Juncos A.* The Institutions of the Common Foreign and Security Policy between intergovernmentalism and supranationalism // *The Institutions of the European Union* / ed. by D. Hodson, U. Puetter, S. Saurugger, J. Peterson. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 299–320. <https://doi.org/10.1093/heap/9780198862222.003.0013>
- Keohane R.D., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 273 p.
- Mallard G., Sabet F., Sun J.* The Humanitarian Gap in the Global Sanctions Regime // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 121–153.
- Mulder N.* The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2022. 448 p.
- Pape R.A.* Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 2. P. 90–136.
- Slaughter A.-M.* The Real New World Order // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. No. 5. P. 183–197. DOI: <https://doi.org/10.2307/20048208>
- Quaglia L., Verdun A.* Weaponisation of finance: the role of European central banks and financial sanctions against Russia // *West European Politics*. 2023. Vol. 46. No. 5. P. 872–895. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2155906>

THE BOTTLE-NECK PHENOMENON IN THE EU TRADE RESTRICTIONS AGAINST THE RUSSIAN FEDERATION*

SABINA DAVRANOVA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

Under what conditions might the potential for weaponizing economic interdependence through sanctions in EU-Russia relations be exhausted? Focusing on the exemptions provided under Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014, the paper develops a typology that distinguishes between humanitarian and diplomatic derogations, special reservations for deal-making, individual derogations, and exemptions justified by economic security reasons. As for the latter, the analysis draws on trade statistics from 2021 to 2023 – calculating export growth rates from Russia to the EU and employing the Herfindahl-Hirschman index to assess the geographical concentration of exports within the integration bloc. The findings contribute to the literature that views EU anti-Russian sanctions as a tool of weaponization of economic interdependence in Russian-European relations, while also delineating the limits of such weaponization. In particular, the study introduces the bottleneck effect concept observed when EU sanctions policy-making stalls for objective reasons. Here, “bottleneck” does not imply inability to impose sanctions. It reflects a scenario in which sanctions are driven by economic market dynamics rather than political logic contrasting with many other areas of bygone Russian-European cooperation now under sanctions. The paper identifies three cases of this effect: a) when the EU prioritizes other policy objectives over weakening Russia; b) when the imposition of sanctions is stalled for humanitarian reasons – thereby

* The article was prepared within the framework of the strategic project «Scenario Forecasting of the Development of the Mechanism of Secondary Sanctions against Russia» of the National Research University Higher School of Economics.

potentially increasing the risk of weaponization via tariff regulation measures; c) when major EU countries guard certain longstanding elements of trade and economic interaction with Russia that are vital for their own economies.

Keywords:

Russian-European relations; sanctions policy; trade sanctions; weaponization of interdependence; bottleneck effect

References

- Arapova E.Ya. (2023). Novye modal'nosti global'noi sanktsionnoi politiki [New Modalities of the Global Sanctions Policy]. *Journal of International Analytics*. Vol. 14. No. 1. P. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>
- Afonin S.E. (2023). Perspektivy sozdaniya i funktsionirovaniya klastera po proizvodstvu redkozemel'nykh metallov v Rossii [Prospects for The Creation and a Functional Cluster or the Production of Rare-Earth Metals in Russia]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. No. 4. P. 95–106. DOI: 10.52210/2224669X_2023_4_95
- Brooks R. (2017). *How Everything Became War and the Military Became Everything: Tales from the Pentagon*. New York: Simon & Schuster. 448 p.
- Christou A., Damro C. (2024). Frames and Issue Linkage: EU Trade Policy in the Geoeconomic Turn. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 62. No. 4. P. 1080–1096. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13598>
- Couvreur S. (2024). Inside the European Union's Trade Machinery: Institutional Changes in an Age of Geoeconomics. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 63. No. 1. P. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13625>
- Demarais A. (2022). *Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U.S. Interests*. New York: Columbia University Press. 304 p.
- Drezner D.W. (2024). Global Economic Sanctions. *Annual Review of Political Science*. Vol. 27. P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240>
- Ehntin M.L., Ehntina E.G. (2023). *Usiliya Rossii, Kitaya, Indii, ES i SSHA po obreteniyu strategicheskoi glubiny v 2022–2023 godakh* [Efforts by Russia, China, India, the EU and the US to Gain Strategic Depth in 2022–2023]. Moscow: Zebra E / Galaktika. 760 p.
- Ehntin M.L., Ehntina E.G., Davranova S.B., Nadzharov A.M. (2024). Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya sanktsionnoi politiki Zapada [Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 1. P. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>
- Farrell H., Newman A.L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*. Vol. 44. No. 1. P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Farrell H., Newman A.L. (2023). *Underground Empire: How America Weaponized the World Economy*. New York: Henry Holt and Co. 288 p.
- Faulk G.T. (2024). Strengthen US Sanctions by Enabling Regularized Use of Humanitarian Exemptions. *Journal of World Trade*. Vol. 58. No. 4. P. 655–680. DOI: <https://doi.org/10.54648/trad2024034>
- Juncos A. (2021). The Institutions of the Common Foreign and Security Policy between intergovernmentalism and supranationalism. In: D. Hodson, U. Puetter, S. Saurugger, J. Peterson (eds) *The Institutions of the European Union*. Oxford: Oxford University Press. P. 299–320. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198862222.003.0013>
- Keohane R.O., Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown and Company. 308 p.
- Makarov I.A. (2023). Taksonomiya torgovykh bar'erov: pyat' tipov protektsionizma [Taxonomy of Trade Barriers: Five Types of Protectionism]. *Sovremennaya mirovaya ehkonomika*. Vol. 1. No. 1. P. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-74-94>
- Mallard G., Sabet F., Sun J. (2020). The Humanitarian Gap in the Global Sanctions Regime. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. Vol. 26. No. 1. P. 121–153.
- Mulder N. (2022). *The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War*. New Haven, Conn.: Yale University Press. 448 p.
- Pape R.A. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 90–136.

- Rastvortseva S.N. (2018). Ehkonomicheskaya aktivnost' regionov Rossii [Economic Activity in Russian Regions]. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 11. No. 1. P. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.6
- Romanova T. (2024). Otnosheniya Rossii i Evropeiskogo soyuza v kontekste sovremennoi transformatsii mirovoryadka: problemy izucheniya i prepodavaniya [Relations between Russia and the European Union in the context of modern transformation of the world order: Issues of studying and teaching]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ehkonomika*. Vol. 40. No. 2. P. 157–174. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.201>
- Slaughter A.-M. (1997). The Real New World Order. *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 5. P. 183–197.
- Timofeev I.N. (2021). Politika sanktsii Evropeiskogo soyuza. Opyt sobytiinogo analiza [Approaching the EU Sanctions Policy: An Experiment with Event Analysis]. *Sovremennaya Evropa*. No. 2. P. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727>
- Timofeev I.N. (2024). Kak issledovat' politiku sanktsii v proekte «Politicheskiy atlas sovremennogo mira 2.0»? [“Political Atlas of the Modern World 2.0”: How to Deal with the Policy of Sanctions?]. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 282–299. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Timofeev I.N. (2024). Torgovye sanktsii Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Rossii: sovremennaya praktika [The European Union Trade Sanctions Against Russia: Contemporary Practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ehkonomika*. Vol. 40. No. 2. P. 233–247. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.205>
- Timofeev I.N., Chupriyanova P.I. (2024). Politika sanktsii ES v otnoshenii Rossii posle fevralya 2022 g.: napravleniya izmenenii [EU Sanctions Policy Towards Russia After February 2022: Directions for Change]. *Sovremennaya mirovaya ehkonomika*. Vol. 2. No. 2(6). P. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59>
- Quaglia L., Verdun A. (2023). Weaponisation of finance: the role of European central banks and financial sanctions against Russia. *West European Politics*. Vol. 46. No. 5. P. 872–895. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2155906>
- Schlee R., Oppen J. (2020). Weaponizing the world. *New Perspectives*. Vol. 28. No. 3. P. 314–329. DOI: <https://doi.org/10.1177/2336825X20935233>
- Von Sponeck H.C. (2006). *A Different Kind of War: The UN Sanctions Regime in Iraq. With a Foreword by Celso N. Amorim, Foreign Minister of Brazil*. New York: Berghahn. 322 p.
- Wright T.J. (2017). *All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power*. New Haven, Conn.: Yale University Press. 288 p.